Котов А. Э. Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894 — 1899 годы / А. Э. Котов // Научный диалог. — 2018. — № 7. — С. 246—262. — DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-246-262.

Kotov, A. E. (2018). Economic and Social Aspects of Russification of Western Outskirts of Russian Empire in Conservative Press Estimates: 1894—1899. *Nauchnyy dialog, 7:* 246-262. DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-246-262. (In Russ.).

Журнал включен в Перечень ВАК

УДК 94(47).083+070:329.11
DOI: 10.24224/2227-1295-2018-7-246-262

Экономические и социальные аспекты русификации западных окраин Российской империи в оценках консервативной печати: 1894 — 1899 годы[1]

© **Котов Александр Эдуардович (2018),** orcid.org/0000-0001-5226-9552, Researcher ID E-6880-2016, SPIN-code 7051-7470, доктор исторических наук, доцент кафедры истории России с древнейших времен до XX века. Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия), a.kotov@spbu.ru.

Рассматривается вопрос об отношении русских консервативных публицистов середины — второй половины 1890-х годов к экономической ситуации, складывавшейся на западных окраинах России в первые годы правления Николая II. Новизна исследования состоит в том, что экономическое развитие тогдашних территорий Украины, Литвы, Белоруссии и Прибалтики впервые рассматривается сквозь призму взглядов представителей отечественного консервативного национализма («русского направления»), для которых прибалтийские и бывшие древнерусские земли были ареной вековой борьбы русского народа с «полонизмом» и «германизмом». Особое внимание уделяется представлениям консерваторов о влиянии этно-конфессионального и сословного факторов на экономическую ситуацию в этих ключевых для Российской империи регионах. Также уделяется внимание оценкам консерваторами политического значения немецкой колонизации в западных русских губерниях и роли «инородческого» фактора в экономической жизни страны. Показаны меры, с помощью которых консерваторы надеялись скорректировать переселенческую политику и завершить тридцатилетний процесс русификации западных окраин. Сделан вывод о том, что в этот период в воззрениях консервативных кругов сохранялась инерция

1 Статья выполнена при поддержке Российского научного фонда. Проект № 18-18-00142 «Центр и регионы: экономическая политика правительства на окраинах Российской империи (1894–1917).

предыдущего царствования, что не вполне соответствовало новым политическим и экономическим реалиям.

Ключевые слова: западные окраины; Украина; Литва; Белоруссия; Прибалтика; экономика; консерватизм; русификация; национализм.

1. Введение

Вторая половина 1890-х годов — не самый яркий период в истории русской консервативной мысли. К этому времени из жизни ушли наиболее яркие и относительно независимые ее лидеры: М. Н. Катков, И. С. Аксаков, К. Н. Леонтьев. Их «эпигоны» — такие, как «катковцы» С. А. Петровский, В. А. Грингмут («Московские ведомости») и Ф. Н. Берг («Русский вестник»), славянофил С. Ф. Шарапов («Русский труд»), «православный империалист» А. А. Александров («Русское обозрение»), — не обладали ни авторитетом, ни литературным талантом своих учителей. Последним представителем старшего поколения консервативных публицистов оставался редактор одиозного «Гражданина» кн. В. П. Мещерский, о котором К. Н. Леонтьев писал незадолго до смерти: «Померли “господа” (Катков и Аксаков), лакеи теперь, подлецы, дерутся. Всё-таки бестолковый и бестактный, нередко даже глупый князь Мещерский всех их порядочнее. У него ещё видна иногда в литературных отношениях мораль, у “Московских ведомостей”, кроме подлой злости в полемике, ничего не видно» [Леонтьев, 1993, с. 504].

Тем не менее сохранявшаяся в этот период инерция царствования Александра III позволяла охранительным кругам сохранять некоторые иллюзии относительно будущего страны. Наиболее острые пореформенные политические вопросы, казалось, были решены: польский мятеж и революционная крамола разгромлены; провозглашенная Катковым и его единомышленниками «национальная политика», на первый взгляд, торжествовала равно в столицах и на окраинах. Всё это, наряду с общими тенденциями эпохи, вынуждало консерваторов уделять большее внимание экономическим вопросам — ранее второстепенной и даже презренной для консервативного дискурса «банкирской премудрости» [Киреев, 1883, с. 14].

Между тем в рассматриваемый нами период именно в экономической сфере наиболее ярко обозначились неоднозначные последствия того курса, за который славянофилы, «катковцы» и иные представители «русского направления» боролись в 1860—1870-е годы и который воплотился в «народном самодержавии» Александра III: культурной и экономической русификации окраин, распространении «русского землевладения» на западе империи и активной колонизации ее востока. Осмысление этого опыта не

могло не оказать влияния на окраинную политику правительства в начале XX столетия. Это влияние лишь косвенно затронуто в историографии. Экономическая политика самодержавия на имперских окраинах нашла отражение в целом ряде серьезных общих работ [Бахтурина, 2004; Правилова, 2006; Янченко, 2011; Янченко, 2015]. Экономические воззрения русских консерваторов также не избежали внимания современных исследователей [Репников, 2014]. Однако взгляды консерваторов на экономическую политику правительства на имперских окраинах во второй половине 1890-х годов затрагивались в историографии лишь эпизодически, в частности — применительно к Кавказу [Иванов, 2018]. Западные же окраины в данном контексте еще не были предметом специального исследования.

2. «Великая историческая неудача» на западных окраинах

В консервативной политической повестке западные окраины Российской империи традиционно занимали центральное место. В борьбе с «польщизной» и опиравшимися на «петер бургскую бюрократию» остзейскими «феодалами» формировалась не только этно-конфессиональная, но и социально-экономическая концепция «русского направления»: противопоставление польскому и немецкому дворянству не только русского (украинского и белорусского) крестьянства, но всей, выражаясь словами Ю. Ф. Самарина, «совокупности тех, кому Провидение отказало в праве родиться немцами» [Я любил Вас любовью брата …, 2015, с. 40]. Важной частью этой концепции были экономические меры: передача части конфискованных земель мятежной польской шляхты местному крестьянству и поощрение в Северо-Западном и Юго-Западном крае русского землевладения.

В 1860-е и последующие годы большинство консервативных националистов активно поддерж ивали политику властей — в частности, вызов М. Н. Муравьевым мировых посредников из центральной России, чьей задачей и была защита крестьянских интересов при проведении земельной реформы. Три десятилетия спустя на страницах бывшего катковского «Русского вестника» появились воспоминания одного из таких посредников — Н. И. Березина. Последний вспоминал, что увлечение большинства его коллег борьбой с полонизмом «принесло крестьянам мало действительной пользы и не повредило интересам польских панов, потому что пересол и натяжки в выкупных актах потом приходилось исправлять и переделывать по указаниям Главного выкупного учреждения; но оно давало панам повод для криков негодования, для жалоб и облегчало им драпировку в печальную тогу несправедливо обиженных…» [Березин, 1896, с. 140].

Это стало одной из причин отмечаемого многими публицистами охлаждения белорусского крестьянства к центральной власти. «Равнодушие народа к России, отсутствие в нем национального чувства доказывают, насколько в деле обрусения края мы далеки еще от цели, насколько до сих пор не успели добиться ничего существенного», — указывал анонимный автор «Литовских писем», опубликованных на страницах шараповского «Русского труда» [Е.А.Д., 1897в, с. 7]. Впрочем, главную причину корреспондент славянофильской газеты видел в охлаждении к окраинному «русскому делу» самого русского общества: «Попробуйте поговорить о северо-западном крае с образованном москвичом, туляком. Окажется полное незнакомство с этим краем и с успехами в нем русского дела. А начните с каким-нибудь берлинским сапожником разговор про Эльзас-Лотарингию, и вы тотчас заметите, что этот сапожник внимательно следит за всеми мерами правительства в завоеванных провинциях и имеет свой определенный взгляд на средства, которыми следует бороться с враждебным настроением тамошнего населения» [Е.А.Д., 1897а, с. 6]. Отмечал автор «Писем» и неудачу правительственных мер по созданию «русского землевладения»: «За вычетом нескольких отдельных единиц, в этом крае нет русского помещичьего элемента» [Е.А.Д., 1897б, с. 5].

Последняя проблема стала предметом обширного исследования, опубликованного в 1894 году на страницах журнала «Русское обозрение». Автор цикла очерков «О русском землевладении в Северо-Западном крае» А. П. Владимиров, — один из деятельных членов виленского кружка русификаторов 1860-х годов [Долбилов, 2015, с. 471-474], — поставил своей целью исследовать историю начавшегося после 1863 года «располячения западно-русского землевладения». Публицист отмечал, что подобная политика не была русским изобретением, и ссылался на успешный опыт германизации Познани, где «немецкое землевладение много сильнее польского»: «Так ведут дело немцы! Познань была “Великой Польшей”, и в настоящее время смело можно предсказывать ей судьбу славянских земель, давно уже онемеченных по обеим сторонам Одры, в Мекленбурге, в Поморье, в стране лютичей, где теперь Бранденбург с Берлином, Шарлотенбургом, Потсдамом и др., где вся разработанная славянами земля уже перешла к ненавидящему их немцу, и где образовалось главное логовище германизма» [Владимиров, 1894а, с. 218]. Принципиальную же разницу в положении поляков в двух империях Владимиров видел в том, что «Пруссия наступает на поляков; Россия же против них только защищается» [Там же, с. 218]. Под защитой в данном случае подразумевалась борьба с польским культурным и экономическим влиянием на бывших древнерусских землях:

территории нынешних Украины, Белоруссии и Литвы, средневековая история которой также воспринималась как часть общерусской истории.

Слабость правительственной политики в регионе публицист усматривал прежде всего в ее непоследовательности, «отсутствии строгой системы», зависимости от «личных взглядов правителей края», «вследствие чего одним правителем отменялось и разрушалось то, что было сделано его предшественником» [Там же, с. 223]. Если при М. Н. Муравьеве и А. Е. Кауфмане шла активная русификация общественной, культурной и экономической жизни края, то при А. Л. Потапове вектор переменился: по свидетельству И. П. Корнилова, «все служащие русские, заявившие себя решительными сторонниками муравьевского направления, подверглись опале и гонению» [ОР РНБ, ф. 377, ед. 11, л. 1]. Владимиров упрекал Потапова в сознательном онемечении Ковенской губернии [Владимиров, 1894а, с. 223], «наполнении» поляками и евреями виленской городской думы» [Там же, с. 240] и возвращении в край участников мятежа. Результатом этого и стало пренебрежение крестьян к «московскому жонду» (то есть к центральной власти), а «лучшие русские люди перестали думать о прочной оседлости в крае» [Там же, с. 224].

А. Л. Потапов обвинялся Владимировым и в прямых злоупотреблениях — например, в раздаче земель приближенным [Там же, с. 229]: «Поставленное Потаповым на почву фаворитизма без всякого отношения к законности и личным качествам и заслугам получавших имения, русское культурное землевладение в Северо-Западном крае совершенно логически развилось в аферу, спекуляцию, кулачество. О государственных и национальных интересах не было и помину. Получивший имение спешил сорвать с него всё, что можно было сорвать, потому что не верил в прочность водворения русского элемента в крае, судя по самому себе» [Там же, с. 233]. Таким образом, «благодаря Потапову, разрушившему дело Муравьева <…> мы теперь стоим в крае лицом к лицу с новою шляхтою, считающеюся уже не десятками, а сотнями тысяч, большая часть которой хорошо обучена военному делу во время своей службы в русских войсках» [Владимиров, 1894в, с. 176]. Деятельность начальника края, по мнению Владимирова, способствовала и срыву переселенческой политики: приезжавшие в 1860-х годах крестьяне-великороссы, при этом начальнике края «отданные в жертву полякам, <…> обратно потянулись на восток» [Там же, с. 177].

Разумеется, к личности А. Л. Потапова проблема не сводилась. Активный участник дискуссии 1860-х годов о «русском латинстве» и перспективах православного прозелитизма как инструмента русификации края,

в 1894 году Владимиров указывал на экономический аспект проблемы: «Затевали было поляки ещё средство для приобретения права покупать имения в крае и парализования закона 10 декабря 1865 года. Возбужден был вопрос: как определить национальность помещика в крае? Стали указывать на исповедный признак как на основание национальности, из которого выводилось положение, что в крае воспрещается землевладение только для католиков, а не для православных и протестантов. Потому поляки-землевладельцы начали переходить в православие, конечно, только номинально, и в протестантство. Эту проделку разрушил М. Н. Катков, доказавши в “Московских ведомостях”, что язык, употребляемый в общей обыденной жизни, есть единственно верный признак народности» [Владимиров, 1894а, с. 225—226].

Впрочем, не игнорировал публицист и издержек политики самих «русификаторов». Так, в качестве одного из последствий ограничивавшего польское землевладение закона от 10 декабря 1865 года Владимиров указывал на появление в крае «кулачества и перекупщичества». По его свидетельству, в Вильно группа чиновников образовала «шайку», контролировавшую процесс приобретения земель, не давая приезжим из центральной России становиться владельцами наиболее выгодных имений и помогая полякам приобретать земли на имя местных русских [Владимиров, 1894а, с. 226]. Скептически относился автор и к нравственному облику большинства русских помещиков, которых за дурной пример, подаваемый крестьянству, именовал «дикобразами» [Там же, с. 236].

Впрочем, поддерживая местных крестьян в противостоянии польским помещикам, Владимиров в случае аналогичных конфликтов с помещиками-русскими становился на сторону последних. Так, упоминая о судебной тяжбе «одного русского землевладельца <…> с соседними крестьянами», он подавал его следующим образом: «Крестьяне присвоили себе часть его земли, купленной им у помещика-поляка. Дело, начатое у мирового судьи, восходило до сената, и везде было решено в пользу землевладельца. Но крестьяне силою не дозволяли исполнить решение. Помещик обращался к администрации; администрация отсылала его к суду; суд опять отсылал его к администрации: таким образом, дело его, как мяч, было несколько лет перекидываемо между администрацией и судом, и во всё это время крестьяне незаконно владели его землей» [Владимиров, 1894б, с. 751]. Белорусское крестьянство, по мнению А. П. Владимирова, было сильно ополячено, причем в основном это произошло уже после присоединения к России, в XVIII веке. Так как «память у массы коротка», крестьяне не помнят, кому обязаны свободой и землей. То, что, никто из них не пожерт-

вовал на памятник М. Н. Муравьеву, виделось публицисту символическим проявлением не только людской неблагодарности, но и провала всей предыдущей политики русификации [Владимиров, 1894в, с. 172—173].

В качестве позитивной программы автор «Русского обозрения» предлагал целый комплекс именно экономических мер. Для того, чтобы окончательно закрепить Северо-Западный край за Россией, следовало:

1. «Иметь ясные, точные и полные сведения о состоянии и движении землевладения».

2. «Положить конец земельной эксплуатации крестьян чиновниками и евреями».

3. «Упорядочить деятельность Виленского земельного банка».

4. «Выкупить с помощью Крестьянского банка ещё не проданные заложенные владельцами имения и расселить там крестьян-великороссов».

5. «Направить в Западную Россию главнейший, если не исключительный, на некоторое время, ток крестьянского переселения вместо Сибири, Закаспийского края и т. п…. Пусть польские крестьяне переселяются с Мургам, Оксус, Яксарт, Амур, даже с большими льготами, а западная наша окраина должна быть сплошь заселена коренным русским народом».

6. «Защитить крестьян и земледельцев «против польских махинаций и давлений» (конкретного способа этой защиты не указывалось)».

7. «Создать русское землевладельческое общество, подобное возникшему в Юго-Западном крае» [Владимиров, 1894в, с. 186—190].

Для отечественной консервативной мысли проблематика Северо-Западного края в целом была производной от польского вопроса. Так, Д. И. Иловайский в 1897 году отмечал в своей газете: «Всякие меры, предпринимаемые в Привислянском краю, непосредственно отражаются и в западных русских губерниях, где полонизм ещё очень силён, если не своею численностью, то своим землевладением, капиталом, интеллигентным слоем и вообще влиянием. Таким образом, всякое сколько-нибудь крупное варшавское явление непременно отражается в Вильне и других центрах Северо-Западного и Юго-Западного края. Вот почему каждая новая политическая или экономическая мера, проводимая в Варшавском генерал-губернаторстве, должна быть предварительно и зрело обдумана» [Иловайский, 1897б, с. 1]

Подобный подход отчасти искажал восприятие консерваторами социально-экономических процессов, разворачивавшихся в то время на территории нынешних Литвы, Белоруссии и Украины. Между тем процесс государственной русификации землевладения на территории собственно Польши к концу XIX столетия также зашел в тупик. Еще один эпигон

Каткова и Леонтьева, дипломат и публицист Ю. С. Карцов позднее вспоминал в своей «Семейной хронике»: «Некоторым отступлением от общего правила: ничего для русских, — явилась раздача русским чиновникам конфискованных земель на правах майоратовладения. Основою всякой колонизации обыкновенно служит класс профессиональных земледельцев. В данном случае были даны поместья лицам, с земледелием не имевшим ничего общего, жившим большею счастью в Петербурге и не располагавшим для ведения хозяйства оборотными средствами. Как нетрудно было предвидеть, с задачею они не справились, очутившись в тисках местных дельцов и в самом безвыходном положении. Неудача, постигшая русское майоратовладение, лицами, не сочувствующими водворению русских людей в крае, была истолкована как доказательство органической неспособности русского человека к колонизации и вообще культурно-хозяйственной деятельности» [ДРЗ, ф. 1, ед. М-76(2), л. 73].

Схожим был подход консерваторов к земельному вопросу и в Прибалтийских губерниях. Критика «русским направлением» сепаратизма и сословной замкнутости остзейских баронов имела давнюю историю, освященную авторитетом Ю. Ф. Самарина. Продолжением этой почтенной традиции стало увидевшее свет в 1896 году на страницах «Русского вестника» исследование кн. С. П. Мансырева. Этот будущий кадет отмечал: «С самого начала русского господства лифляндское дворянство обеспечило себе прежнее земельное могущество. Пользуясь первым приобретением, оно скорее стало простирать свои претензии и дальше; та сословная замкнутость, то стремление к исключительному, обладание землею, которые обнаружились в сильной степени еще во времена шведского господства, в сильнейшей мере проявились у дворянства вновь» [Мансырев, 1896, с. 9]. Таким образом, если в орденские и шведские времена местное дворянское самоуправление носило земский характер, то после включения в состав Российской империи оно окончательно стало сословным [Там же, с. 12] Сословный характер российской власти не мог не отразиться и на землевладении: «Последовательная забота о насаждении русского землевладения была чужда правительству; лишь царствование Елизаветы отличается перед другими как бы национальным характером; но это объясняется только тем, что в данное время фавориты принадлежали к русской, а не какой-либо иной нации… Сами пожалованные не стремились укрепляться в доставшихся им имениях. Все громадные богатства, полученные в Лифляндии русскими вельможами, с замечательною скоростью возвращались в руки местного дворянства» [Там же, с. 19].

Выход в 1869 году правил о выкупе земли привел к появлению мелкого землевладения. Большое значение имело и позднейшее распространение в крае общерусских полицейских и судебных установлений — однако, по мнению Мансырева, «сократившись в объеме, самоуправление нимало не изменилось по существу» [Там же, с. 31]. Князь утверждал, что «крепкая, исторически сложившаяся и развившаяся связь между землевладением дворянства и его самоуправлением, с одной стороны, препятствует переходу имений из рук корпорации, а с другой — обеспечивает за этою корпорацией первенствующее и даже подавляющее влияние в местных отношениях» [Там же, с. 32].

Таким образом, прибалтийское немецкое дворянство по-прежнему оставалось главным объектом критики «русского направления». Естественно, это распространялось не только на земельный вопрос, но и на иные аспекты экономической жизни региона. Например, «Русский труд» в 1899 году рассказывал о распространении на Прибалтику казенной винной монополии. По прежним местным законам исключительное право торговли спиртным принадлежало владельцам вотчинных имений. Желая сохранить за собой столь почетную привилегию, местные дворяне нашли юридическую лазейку: в законе от 1894 года о казенной продаже спиртного и в законе 1897 года о распространении его на Прибалтику не было сказано об отмене местных установлений. Обращение остзейцев поддержал ревельский губернатор. И наоборот, на стороне центральной власти оказались «мстительные эстонцы», которые, «желая насолить баронам, стараются составлять общественные приговоры о закрытии корчем, рассчитывая, что за закрытые до введения монополии корчмы бароны не получат вознаграждения от правительства». Со своей стороны, корреспондент славянофильского издания выражал уверенность, что винная монополия благоприятно отразится на нравственности региона [Русский, 1899, с. 13].

3. «Массовое нашествие иноплеменников»: инородческая угроза

Впрочем, в представлениях консерваторов этого периода, и польская, и немецкая «угрозы» не ограничивались отстаиванием региональными «феодалами» своих «вотчинных прав». Одной из центральных тем консервативной публицистики 1890-х годов становится немецкая и отчасти польская колонизация различных российских регионов. Как и в прежние десятилетия, германофобия и полонофобия нередко становились инструментами для решения более узких и конкретных задач. Так, в 1894 году на страницах «Московских ведомостей» под псевдонимом «Русак»

появилась статья И. А. Баженова, направленная против проекта создания в Киеве высшего сельскохозяйственного училища и отстаивавшая идею о необходимости подобного заведения в Харькове. Будущий черносотенец утверждал, что «за последние 25—30 лет чуть не весь юго-западный край перешел во владение немцев и поляков, он в сельскохозяйственном отношении тесно сплотился с западными губерниями, где господствует исключительно польское землевладение. Эта сплоченность за последние годы в такой степени укрепилась, что начинает крайне неблагоприятно отражаться на сельском хозяйстве южно-русских губерний…» [Русак, 1894, с. 4]. Баженов считал, что поляки и немцы стремятся к монополии на вывоз хлеба из России, для чего им необходимо «целым рядом разновидных мер преобразовать хлебную торговлю в таком смысле, чтобы она была выгодна исключительно для Привислинского, для Балтийского и Юго-Западного краев» [Там же].

В качестве элементов масштабной германо-польской «стратегии» Баженов указывал на пересмотр поляками и немцами в свою пользу железнодорожных тарифов; создание «целого ряда сельскохозяйственных обществ и агентств»; «захват» двух из трёх имевшихся в империи высших сельскохозяйственных училищ («Ново-Александрийский институт и Горыгорецкое землевладельческое училище были предоставлены им; на остальную Россию остался лишь Петербургский Земледельческий институт»); «стягивание» «в западный и юго-западный край целого ряда специальных сельскохозяйственных училищ», куда, по мнению автора, не допускались русские. Благодаря реализации столь коварного плана «польская и немецкая молодежь получила специальное сельскохозяйственное образование и стала развивать своё хозяйство». Единственной угрозой чужеземному владычеству оставался проект открытия сельскохозяйственного института в Харькове, который должен был ковать кадры «для внутренних черноземных губерний и для южной России». Поэтому, «испугавшись будущего оживления юга, западные и юго-западные поляки и немцы <…> стали ходатайствовать о том, чтобы правительство не открывало на юге России сельскохозяйственного института, а взамен того учредило бы в польско-немецком крае третье высшее сельскохозяйственное училище. Местом для него избран центр Юго-Западного края Киев» [Русак, 1894, с. 4].

Столь смелый полёт конспирологической мысли несколько опережал своё время — подобные разоблачения в большей степени будут характерны для черносотенной печати начала XX века. Несколько более аккуратно подавал эту тему брат Ю. С. Карцова агроном А. С. Карцов. Критикуя «польскую» частную Владикавказскую железную дорогу, которой

управляли «лица, перечислением имён и фамилий которых, рассыпанных по Владикавказской дороге, её веткам и сооружениям, пришлось бы исчерпать римско-католические святцы и мемориал польских фамилий» [Карцов, 1895, с. 291], автор подчеркивал, что проблема дороги — не поляки как таковые: «Узко сплоченный, непроницаемый кружок — всегда вреден. Допустим, что костромичи, из среды которых выделились Сусанин и Комиссаров, овладели бы каким-нибудь важным общественным учреждением и состав его наполняли исключительно костромичами. Область, в которой владычествовали бы костромичи, постепенно наполнялась бы их земляками, которым оказывались бы всевозможные послабления сравнительно с другими жителями происхождения не костромского и последние в силу того вытеснялись. Мало-помалу костромичи, заняв такую гордую позицию, возомнили бы о себе, что они существа высшего порядка, а потому, не рассчитав своих способностей и знаний, хватались бы за выполнения всевозможных сооружений, оказавшихся впоследствии негодными и вредными для жизненной безопасности и имущества населения. Могла ли бы такая монополия костромичей понравиться массе жителей, и не была ли бы она вредна для государства?» [Там же, с. 292].

Новым толчком к обсуждению немецкой темы стала опубликованная «Новым временем» 4 января 1896 года записка генерала А. И. Косича, в которой утверждалось, что немецкая колонизацию Юго-Западного края поддерживается германским правительством. С этого момента необходимость противостояния немецкой колонизации западных окраин России стала постоянной темой консервативной публицистики 1890-х годов. Так, на страницах «Русского труда» (где позже появится целая рубрика «Хроника иностранного нашествия», освещавшая процесс проникновения в страну иностранного капитала) в 1897 году появилась статья А. П. Липранди «Фатерланд в России», в которой утверждалось, что «экономические интересы наши требуют прекращения дальнейшего нашествия на русскую землю иноплеменных, интересы же политические, государственные требуют, чтобы пересевшие на нашу почву два с лишком миллиона немцев были русскими, а не германскими гражданами, каковыми пребывают до сего времени. Они должны обязательно сблизиться духовно с приютившею их Россией и если не исчезнуть окончательно в русском море (как славянские племена, настигнутые Пруссией, исчезли в немецком море), то, во всяком случае, навсегда отбросить свои, столько же вздорные, сколько и задорные тенденции, и стать в ряды русского рабочего люда». Пока же этого не произошло, «русские зря бегут в отдалённую Сибирь, терпя всякие лишения и невзгоды, а старинные русские земли, ещё недавно считавшиеся

неотъемлемым достоянием русского народа, достаются мирному завоеванию германских пришельцев!» [Липранди, 1897, с. 6].

В том же году Д. И. Иловайский сочувственно цитировал в своем «Кремле» передовую статью из «толковой» газеты А. П. Пятковского «Гласность»: «В прошлом году из юго-западных губерний переселилось в южно-уссурийский край 300 крестьян, а в нынешнем туда же переселяется уже 1200… Чего бы, кажется, переселяться из такой благодатной сторонки, как волынская, подольская или киевская губерния?.. Крестьяне наши и в особенности хохлы очень неохотно идут на переселения; даже обжившись и хорошо устроившись на новых местах, хранят живое и теплое воспоминание о родных местах. И многих слёз, и колебаний, и больших материальных потерь стоит всякое переселение. Это своего рода драма в крестьянском быту. Но что же гонит крестьянина переселяться?... На юго-западе гонит переселяться теснота, а тесноту сделал немец. Все мало-мальски удобные продававшиеся земли раскуплены немцами и по таким ценам, коих немыслимо ожидать от хлебороба-хохла. Немцы, занявшие наш юго-запад, преимущественно уезды, граничащие с Пруссией и Австрией, имеют свои бюро в Берлине; из бюро им выдаются крупные суммы в ссуду или вроде субсидии — неизвестно. Но только чуть где продается хорошая земля, преимущественно стратегический пункт около перевозов через реку, немцы выкупят его, во что бы то ни стало…». Подводя итог размышлениям Пятковского, редактор и единственный автор «Кремля» восклицал: «Итак, немцы в собственных наших пределах, теснят русских из Европы в Азию; а некоторые мнимые консерваторы заодно с радикалами толкуют об избытке у нас национализма!» [Иловайский, 1897а, с. 2].

Соотносил немецкий вопрос с переселенческим и омский корреспондент «Русского вестника» Т. И. Тихонов, считая появление в Сибири немецких колонистов с Поволжья и Волыни «новым в переселенческом вопросе явлением» и скорее радуясь последнему. Опираясь на данные о росте «поземельной собственности иностранных или немецких поселенцев», публицист говорил о политическом характере немецкой иммиграции в наши западные окраины и преимущественно на Волынь… Немецкая колонизация мало-помалу обратилась в систему как бы мирного завоевания наших земель на Западной окраине» [Тихонов, 1896а, с. 320—321].

На западных окраинах немецкие колонисты играли, по мнению Тихонова, исключительно отрицательную роль: «Отношение колонистов к местному крестьянскому населению вполне отчужденное. Русского языка колонисты не знают и не хотят знать и изучать его… Собственное немец-

кое образование у колонистов поставлено очень высоко» [Там же, с. 326]. Низко оценивал публицист и вклад немцев в развитие местного сельского хозяйства: «О какой-либо рациональной системе ведения хозяйства немецкими колонистами не может быть и речи, так как, по-видимому, все цели этих переселенцев направлены к возможно широкой эксплуатации местного населения и страны, приютившей их. Истощив одни земельные участки, они переходят на другие, применяя ту же немецкую культуру, которая сводится к тому, чтобы, разорив чужую страну и её жителей, обогатить только себя» [Тихонов, 1896б, с. 382]. В силу этого обстоятельства автор «Русского вестника» — будто и не было предыдущих тридцати лет — призывал к русификации землевладения, которая одна только могла привести «к возможно полному упрочению нашего положения именно на Западе, в западной полосе России» [Там же, с. 387].

Новым у Тихонова было предложение «видоизменения и расширения нашей колонизационной политики»: при содействии Крестьянского банка переселять крестьян из центральной России на западные окраины, а немцев отправлять «на Восток, в Сибирь, в киргизские степи» [Там же, с. 387—388]. Публицист был уверен в том, что подобная стратегия не угрожает перспективе заселения Сибири: «У нас так много безземельных и малоземельных, безлошадных и бесхозяйных крестьян, что их хватит, даже при условии широкой колонизационной политики, для всех наших окраин, как в Азиатской, так и в Европейской России, в том числе и для Западного края, на долгое время» [Там же, с. 389].

4. Заключение

Разумеется, приведенные нами выдержки из консервативной публицистики второй половины 1890-х годов не охватывают всех аспектов экономический политики российских властей на западных окраинах империи. Однако сделать из них ряд заключений всё же возможно. Вопросы экономической целесообразности были для консервативного дискурса вторичными, являясь производными от государственных и национальных русских интересов. Обозначившееся в 1890-х годах усиление внимания отечественных консерваторов к вопросам экономики было связано как с падением *политической* роли консервативной печати (утратившей после смерти М. Н. Каткова самостоятельную политическую роль), так и с тенденциями эпохи: углублением капиталистических отношений, проникновением в русскую общественную жизнь марксизма. Однако и в этой сфере консерваторы оставались в рамках собственных представлений предыдущих

десятилетий — продолжая считать экономику лишь инструментом так и не состоявшейся русификации западных русских земель. При этом в борьбе консервативных публицистов с «инородческим засильем» ксенофобский элемент в тот период не носил, на наш взгляд, преобладающего характера и был направлен не столько на «инородцев» как таковых, сколько на конкурирующие (скорее в политической, чем в экономической сфере) элиты. Так или иначе, те же самые консервативные общественные круги, в которых во второй половине XIX века сформировались основы экономической политики русской власти на окраинах, к концу столетия констатировали неудачу этой политики. Было очевидно, что нужно искать иных путей, однако их консерваторы предложить уже не могли.

Источники и принятые сокращения

1. *Березин Н. И.* Восемь лет в Северо-Западном крае. Воспоминания бывшего мирового посредника / Н. И. Березин // Русский вестник. — 1896. — № 1. — С. 139—168.

2. *Владимиров А. П.* О русском землевладении в Северо-Западном крае / А. П. Владимиров // Русское обозрение. — 1894а. — № 7. — С. 217—241.

3. *Владимиров А. П.* О русском землевладении в Северо-Западном крае / А. П. Владимиров // Русское обозрение. — 1894б. — № 8. — С. 748—767.

4. *Владимиров А. П.* О русском землевладении в Северо-Западном крае / А. П. Владимиров // Русское обозрение. — 1894в. — № 9. — С. 171—192.

5. ДРЗ — *Дом* русского зарубежья им. А. И. Солженицына. Ф. 1. М-76 (2).

6. *Е.А.Д.* Литовские письма // Русский труд. — 1897а. — 23 августа.

7. *Е.А.Д.* Литовские письма // Русский труд. — 1897б. — 6 сентября.

8. *Е.А.Д.* Литовские письма // Русский труд. — 1897в. — 15 сентября.

9. *Иловайский Д. И.* Вынужденные переселения / Д. И. Иловайский // Кремль. — 1897а. — 1 марта.

10. *Иловайский Д. И.* О новом фазисе польского вопроса / Д. И. Иловайский // Кремль. — 1897б. — 2 октября.

11. *Карцов А. С.* Терская область / А. С. Карцов // Русский вестник. — 1895. — № 3. — С. 286—308.

12. *Киреев А. А.* Славянское обозрение / А. А. Киреев // Известия Санкт-Петербургского Славянского благотворительного общества. — 1883. — № 1. — С. 13—14.

13. *Леонтьев К. Н.* Избранные письма. / К. Н. Леонтьев. — Санкт-Петербург : Пушкинский фонд, 1993. — 640 с.

14. *Липранди А. П.* Фатерланд в России / А. П. Липранди // Русский труд. — 1897. — 8 ноября.

15. *Мансырев С. П.* Землевладение в Лифляндии / С. П. Мансырев // Русский вестник. — 1896. — № 10. — С. 305—315

16. *ОР РНБ* — Отдел рукописей Российской Национальной библиотеки. — Ф. 377. — Ед. 11.

17. *Русак* [Баженов И. А.]. Глухая сельскохозяйственная борьба Юга России с Юго-Западным и Западным краем / И. А Баженов // Московские ведомости. — 1894. — 12 августа.

18. *Русский.* Из Прибалтийского края // Русский труд. — 1899. — 1 мая.

19. *Тихонов Т. И.* Письма о переселенцах. Немцы-колонисты в Волыни и в Сибири / Т. И. Тихонов // Русский вестник. — 1896а. — № 10. — С. 316—322.

20. *Тихонов Т. И.* Письма о переселенцах. Немцы-колонисты на Волыни и в Сибири / Т. И. Тихонов // Русский вестник. — 1896б. — № 11. — С. 380—392.

21. *«Я любил Вас любовью брата…»* Переписка Ю. Ф. Самарина и баронессы Э. Ф. Раден (1861–1876). — Санкт-Петербург : Владимир Даль, 2015. — 447 с.

Литература

1. *Бахтурина А. Ю.* Окраины Российской империи : государственное управление и национальная политика в годы Первой мировой войны (1914—1917 гг.). / А. Ю. Бахтурина. — Москва: Российская политическая энциклопедия, 2004. — 392 с.

2. *Долбилов М. Д.* Русский край, чужая вера : этноконфессиональная политика империи в Литве и Белоруссии при Александре II / М. Д. Долбилов. — Москва : Новое литературное обозрение, 2010. — 999 с.

3. *Иванов А. А.* Экономическая политика в Кавказском регионе в оценке русских консерваторов : конец XIX — начало XX веков / А. А. Иванов // Научный диалог. — 2018. — № 6. — С. 124—142.

4. *Правилова Е. А*. Финансы империи : деньги и власть в политике России на национальных окраинах : 1801—1917 / Е. А. Правилова. — Москва : Новое издательство, 2006. — 453 с.

5. *Репников А. В.* Консервативные модели российской государственности / А. В. Репников. — Москва : РОССПЭН, 2014. — 526 с.

6. *Янченко Д. Г.* Бюджет и финансы в Государственной думе 1907—1912 гг.: от Балтики до Дальнего Востока / Д. Г. Янченко. — Санкт-Петербург : Дмитрий Буланин, 2015. — 272 с.

7. *Янченко Д. Г.* Политика Государственной думы в отношении национальных окраин империи : налоговые вопросы и арендные отношения в Польше и западном крае / Д. Г. Янченко // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2 : История. — 2011. — № 4. — С. 139—141.

Economic and Social Aspects of Russification of Western Outskirts of Russian Empire in Conservative Press Estimates: 1894—1899[1]

© **Kotov Aleksandr Eduardovich (2018),** orcid.org/0000-0001-5226-9552, Researcher ID E-6880-2016, SPIN-code 7051-7470, Doctor of History, associate professor, Department of Russian History from Ancient Times to the 20th Century, Institute of History, Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russia), a.kotov@spbu.ru.

The attitude of Russian conservative publicists of the middle — second half of the 1890s to the economic situation that developed on the Western outskirts of Russia in the early years of the reign of Nicholas II is considered. The novelty of the study is that the economic development of the then territories of Ukraine, Lithuania, Belarus and the Baltic States is considered for the first time through the prism of the views of representatives of the domestic conservative nationalism ("Russian trend"), for which the Baltic and former old Russian lands were the arena of the age-old struggle of the Russian people with "Polonism" and "Germanism." Particular attention is paid to the conservative ideas about the influence of ethno-confessional and class factors on the economic situation in these key regions for the Russian Empire. Also, attention is paid to the conservative estimates of the political importance of German colonization in the Western Russian provinces and the role of the "foreign" factor in the economic life of the country. The measures by which the conservatives hoped to adjust the resettlement policy and complete the thirty-year process of Russification of the Western suburbs are shown. It is concluded that during this period the views of conservative circles maintained the inertia of the previous reign, which is not fully consistent with the new political and economic realities.

Key words: Western outskirts; Ukraine; Lithuania; Belarus; Baltic States; economics; conservatism; Russification; nationalism.

Material resources

Berezin, N. I. (1896). Vosem' let v Severo-Zapadnom kraye. Vospominaniya byvshego mirovogo posrednika. *Russkiy vestnik, 1*: 139—168. (In Russ.).

DRZ — *Dom russkogo zarubezhya im. A. I. Solzhenitsyna*. F. 1. M-76 (2). (In Russ.).

E.A.D. (1897a). Litovskiye pis'ma. *Russkiy trud. 23 avgusta*. (In Russ.).

E.A.D. (1897b). Litovskiye pis'ma *Russkiy trud. 6 sentyabrya*. (In Russ.).

E.A.D. (1897v). Litovskiye pis'ma. *Russkiy trud. 15 sentyabrya*. (In Russ.).

Ilovayskiy, D. I. (1897a). Vynuzhdennyye pereseleniya. *Kreml'. 1 marta*. (In Russ.).

Ilovayskiy, D. I. (1897b). O novom fazise polskogo voprosa. *Kreml'. 2 oktyabrya*. (In Russ.).

Kartsov, A. S. (1895). Terskaya oblast'. *Russkiy vestnik, 3*: 286—308. (In Russ.).

Kireyev, A. A. (1883). Slavyanskoye obozreniye. *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo Slavyanskogo blagotvoritelnogo obshchestva, 1*: 13—14. (In Russ.).

Leontyev, K. N. (1993). *Izbrannyye pis'ma*. Sankt-Peterburg: Pushkinskiy fond. (In Russ.).

1 This research was supported by the Russian Science Foundation. Project № 18-18-00142 "The Center and the regions: state economic policy on the outskirts of the Russian Empire (1894–1917)".

Liprandi, A. P. (1897). Faterland v Rossii. *Russkiy trud. 8 noyabrya*. (In Russ.).
Mansyrev, S. P. (1896). Zemlevladeniye v Liflyandii. *Russkiy vestnik, 10*: 305—315. (In Russ.).
OR RNB — *Otdel rukopisey Rossiyskoy Natsionalnoy biblioteki*. F. 377. Ed. 11. (In Russ.).
Rusak [Bazhenov, I. A.] (1894). Glukhaya selskokhozyaystvennaya bor'ba Yuga Rossii s Yugo-Zapadnym i Zapadnym krayem. *Moskovskiye vedomosti. 12 avgusta*. (In Russ.).
Russkiy. (1899). Iz Pribaltiyskogo kraya. *Russkiy trud. 1 maya*. (In Russ.).
Tikhonov, T. I. (1896a). Pis'ma o pereselentsakh. Nemtsy-kolonisty v Volyni i v Sibiri. *Russkiy vestnik, 10*: 316—322. (In Russ.).
Tikhonov, T. I. (1896b). Pis'ma o pereselentsakh. Nemtsy-kolonisty na Volyni i v Sibiri. *Russkiy vestnik, 11*: 380—392. (In Russ.).
«Ya lyubil Vas lyubov'yu brata…». Perepiska Yu. F. Samarina i baronessy E. F. Raden (1861—1876). (2015). Sankt-Peterburg: Vladimir Dal'. (In Russ.).

References

Bakhturina, A. Yu. (2004). *Okrainy Rossiyskoy imperii: gosudarstvennoye upravleniye i natsionalnaya politika v gody Pervoy mirovoy voyny (1914—1917)*. Moskva: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya. (In Russ.).
Dolbilov, M. D. (2010). *Russkiy kray, chuzhaya vera: Etnokonfessionalnaya politika imperii v Litve i Belorussii pri Aleksandre II*. Moskva: Novoye literaturnoye obozreniye. (In Russ.).
Ivanov, A. A. (2018). Ekonomicheskaya politika v Kavkazskom regione v otsenke russkikh konservatorov: konets XIX — nachalo XX vekov. [Economic Policy in Caucasus Region in Assessment of Russian Conservatives: End of 19th — Beginning of 20th Centuries]. *Nauchnyy dialog, 6*: 124—142. (In Russ.).
Pravilova, E. A. (2006). *Finansy imperii. Den'gi i vlast' v politike Rossii na natsionalnykh okrainakh. 1801 —1917*. Moskva: Novoe izdatelstvo. (In Russ.).
Repnikov, A. V. (2014) *Konservativnye modeli rossiyskoy gosudarstvennosti*. Moskva: ROSSPEN. (In Russ.).
Vladimirov, A. P. (1894a). O russkom zemlevladenii v Severo-Zapadnom kraye. *Russkoye obozreniye, 7*: 171—192. (In Russ.).
Vladimirov, A. P. (1894b). O russkom zemlevladenii v Severo-Zapadnom kraye. *Russkoye obozreniye, 8*: 748—767. (In Russ.).
Vladimirov, A. P. (1894v). O russkom zemlevladenii v Severo-Zapadnom kraye. *Russkoye obozreniye, 9*: 171—192. (In Russ.).
Yanchenko, D. G. (2011). Politika Gosudarstvennoy dumy v otnoshenii natsionalnykh okrain imperii: nalogovye voprosy i arendnyye otnosheniya v Polshe i zapadnom kraye. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seriya 2: Istoriya, 4*: 139—141. (In Russ.).
Yanchenko, D. G. (2015). *Byudzhet i finansy v Gosudarstvennoy dume 1907 —1912: ot Baltiki do Dalnego Vostoka*. Sankt-Peterburg: Dmitriy Bulanin. (In Russ.).